

Главным следователем был Гуань Мянью, тот самый ничем не примечательный внешне мужчина. Он носком ботинка приподнял бледный подбородок Лу Це:

— Снова встретились. Как думаешь, каково это — когда нож вонзается в ладонь?

Лу Це ответил бледной улыбкой, его тело не могло сдержать дрожь. Алый кончик языка лизнул побелевшие губы, и он усмехнулся:

— Неприятное ощущение, да? Судя по тому, что ты даже нож удержать не можешь этой рукой, кажется, я её тебя лишил?

Задетый за больное место, Гуань Мянью вспыхнул гневом в глазах. Он протянул другую руку и рывкнул человеку рядом:

— Подай мой нож!

Тускло поблёскивающий клинок излучал холодное сияние. В следующий момент острие пронзило его ладонь, прямо как в том узком переулке месяц назад. Лу Це крякнул, но всё же сдержался, не издав ни звука. Глаза его мгновенно налились кровью, спина выпрямилась в струнку. Боль, расползающаяся от ладони, парализовала половину его тела.

Он не мог сдержаться, широко раскрыл глаза, сжался на земле и тяжело задышал.

Казалось, Гуань Мянью хотел лишь проучить его, запугать. Ткнув его ножом, он тут же распорядился, чтобы ему наложили лекарство.

Гуань Мянью наклонился и пнул носком его в мягкое место на животе, его улыбка была жестокой и кровожадной:

— Господин Лу, впереди долгая жизнь. Игрушки Управы Цяньцзи я, Гуань, постепенно, одну за другой, опробую на вас.

Лу Це издал стон, боль в животе сводила судорогой. Когда боль утихла, он рассеянно прошептал:

— ...Впереди долгая жизнь.

Его заперли в комнате, похожей на темницу. Кроме сухой соломы, вокруг были лишь медные стены. На нём снова была та одежда, в которой он сюда прибыл. Вытащив из неё разбитый амулет мира, он не смог сдержать смехок.

Второй допрос наступил быстро. Гуань Мянью, как и обещал, выставил в комнате все орудия пыток Управы Цяньцзи. На следующий день, когда его вывели, он уже не мог даже просто стоять.

В третий раз Гуань Мянью сломал ему три ребра, на теле остались следы от кнута. Все хотели его смерти, но не могли позволить ему умереть. Ночью Лу Це уцелевшей рукой сжимал амулет мира, разбитые края впивались глубоко в кожу, но боли он не чувствовал.

Он не знал, сколько ещё продлится такая жизнь. Так долго, что ему казалось: даже если он тихо умрёт в Управе Цяньцзи, умрёт в Великой Чжоу, никто об этом не узнает.

Никогда никто о нём не заботился. Ни в свободе, ни в жизни, ни в смерти.

Управа Цяньцзи выбрасывала умерших заключённых за город, на пустырь для захоронений, где кишели гиены, питающиеся разлагающейся плотью.

В конце концов, эта плоть становилась пищей для ненасытных, а неприкаянная душа превращалась в блуждающего призрака.

Лу Це знал лишь, что с того момента, как он покинул Управу Цяньцзи, даже его душа была покрыта слоем серой, тусклой тьмы.

...

Певичка в изящных покоях сменилась. Лу Це не знал, сколько проспал, этот кошмар повторялся снова и снова. Казалось, стоило лишь погрузиться в сон, как это чёрное прошлое накатывало вновь.

Толкая его в бездну.

Когда Лу Це вышел из изящных покоев, старшая сестра Ю, заметив его издали, тут же подошла, размахивая ароматным платочком, и с сияющей улыбкой спросила:

— Господин, может, у вас есть какие распоряжения?

Лу Це лениво потянулся, взял у Жуань Дао мешочек с серебром и швырнул его в объятия старшей сестры Ю:

— Награди музыкантов за эти три дня.

Старшая сестра Ю, держа в руках увесистый мешочек, мгновенно просияла от радости, и улыбка её стала ещё на три доли искреннее:

— Надеюсь, господин и впредь будет жаловать нас своим присутствием.

В её словах было три доли подобострастия и семь долей искренности. В конце концов, с такой внешностью, как у Лу Це, даже девушкам из заведения была честь провести с ним ночь, не взяв серебра.

Не говоря уже о том, что Лу Це был щедр: всех, чьё пение ему нравилось, он награждал.

После выхода из Управы Цяньцзи Лу Це вернулся в особняк, специально отведённый для него. Говорили, что это смена обстановки, но на деле это была скрытая слежка.

Подойдя к главным воротам и увидев снаружи замаскированных лазутчиков Управы Цяньцзи, Лу Це холодно и насмешливо процедил:

— Если так меня беречься, лучше уж схватить обратно и присматривать за мной день и ночь — будет надёжнее.

Жуань Дао сжал губы, опустил голову, не проронив ни слова в ответ.

Его подобрал Лу Це на улице два года назад, и с тех пор ему некуда было идти, он добровольно последовал за Лу Це.

Долгая ночь, кругом безмолвная тишина. Все бури таились под спокойной поверхностью мира.

На следующий день Лу Це, как договорились, прибыл в усадьбу князя Тана. Чжоу Танъинь ещё не вернулся с утренней аудиенции.

Управляющий, зная, что Лу Це в хороших отношениях с его господином, первым делом провёл гостя в прохладный павильон:

— Прошу господина немного отдохнуть, мой князь всё ещё во дворце.

Как только Чжоу Танъинь вышел за ворота дворца, он получил сообщение от управляющего и поспешил вернуться в усадьбу в экипаже.

Лу Це подождал немного, прежде чем дождался пришедшего. Чжоу Танъинь, не сменив официальные одежды, широкими шагами направился в прохладный павильон. Лу Це уже собирался поклониться, как тот резко поднял его.

Чжоу Танъинь оказался очень близко к Лу Це, одной рукой приподняв его подбородок, приподняв брови и внимательно разглядывая его лицо:

— Мне сказали, ты три дня гулял в цветочном доме, не одну певичку сменил, ночи напролёт в музыке и песнях — весьма способен, господин Лу! Если бы я не послал за тобой, до каких пор бы ты ещё забавлялся?

Слова эти были легкомысленными и двусмысленными.

Лу Це не обратил внимания на его вздор, молча закатил глаза, отвернул шею, освобождая подбородок, и одной рукой оттолкнул того в сторону, освободив пространство:

— Сначала переоденься, от тебя жаром пышет.

— Ц-ц-ц, как жесток ты, Лулан, — Чжоу Танъинь тоже почувствовал, как одежда неприятно прилипла к коже. Он тихо усмехнулся, уже не так шутливо, как мгновение назад:

— Подожди тут, я скоро вернусь.

Когда Чжоу Танъинь вернулся, на нём была простая повседневная одежда. Он достал из рукава фарфоровый пузырёк и протянул Лу Це:

— Прими. Сердцебиение так слабо, как бы не умереть по дороге, не доехав до владений Великой Чу.

Без тени сомнения Лу Це, как к привычному делу, взял пузырёк и, запив водой, проглотил пилюлю внутри, лишь потом сказав:

— Призывал меня сюда, неужто только чтобы передать лекарство?

Услышав это, Чжоу Танъинь на мгновение сжал руку, спрятанную в рукаве, но быстро пришёл в себя. На его лице появилась лёгкая улыбка:

— Есть и дело. Состав каравана утверждён, Гуань Мянъ тоже в нём. Будь осторожен.

Действие лекарства из пузырька проявилось быстро, скрытая в каналах ноющая боль быстро утихла. Лу Це лениво откинулся на скамье, скрестив длинные ноги, в голосе звучало полное безразличие:

— Раз он не смог прикончить меня в Управе Цяньцзи, значит, шанса у него больше не будет.

— Ты хочешь прикончить его в пути?!

Чжоу Танъинь резко дёрнул бровями, несколько удивлённый такой откровенностью, совершенно не характерной для этого человека. Но, хорошенько подумав, всё понял.

Он знал Лу Це два года, и хотя нельзя было сказать, что знал его досконально, всё же глубоко понимал его характер — он помнил обиды и платил той же монетой. Гуань Мянью в Управе Цяньцзи, можно сказать, сам зашёл в тупик.

После выхода из Управы Цяньцзи Лу Це целыми днями должен был поддерживать жизнь лекарствами. В двадцать лет он уже был полон болезней, словно развалина.

Пролечившись два месяца, он наконец смог выходить на люди. В то время Чжоу Танъинь был ещё непризнанным принцем, стоял позади всех братьев и издали посмотрел на Лу Це тех дней. Только началась осень, а он уже кутался в тяжёлую шубу, щёки впалые, глазные впадины углублённые, отчего глаза казались ещё более глубокими и непостижимыми.

Проходя мимо него, даже на расстоянии в несколько метров можно было явно почувствовать исходящий от него запах лекарств.

Казалось, стоит лишь дунуть ветру, и он унесёт его с собой.

Позже их дружба постепенно углубилась. Когда Чжоу Танъиню за стенами дворца пожаловали усадьбу, первым делом он выписал в усадьбу двух знаменитых поваров из Ечэна и день за днём, меняя способы, хорошо ухаживал за Лу Це, и лишь тогда тот сбросил болезненный вид.

Гуань Мянью затронул табу Лу Це, и теперь, попав в руки этого царя преисподней, возможно, те, кто за ним стоял, чтобы сделать Лу Це приятное, и вправду принесли бы Гуань Мянью в жертву.

В конце концов, он был всего лишь пешкой в императорской игре.

После ужина управляющий, увидев, что Лу Це остался ужинать, испытал невыразимую радость, хлопоча, накрыл целый стол яств. Увидев множество изысканных блюд в комнате, Лу Це был несколько ошеломлён.

[Опальный, по Чжоускому двору с вином брожу,

Худа, как ива, талия — в ладони уложу.

Четыре года пролетели, как сон пустой,

Стыд в цветочных домах лишь приобрёл дурной.]

<http://bllate.org/book/15603/1392819>